

Марина Крумина

Горячий песок

Марина Петровна Крумина

Горячий песок

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=26722252

SelfPub; 2017

Аннотация

Рассказ о летчике, который много лет просидел в афганском плену. Сможет ли он спастись? Убежит или его освободят? А если ему все же повезет, то что его ждет на родине? Рассказ основан на реальных событиях. Все имена изменены.

*Любовь пронес я через все разлуки
И счастлив тем, что от тебя в дали,
Ее не расхватали воровски чужие руки
Чужие губы по ветру не разнесли.*

– Вставай! Stand up! Do you understand?

Артем, от металлических ударов по телу, ощутил резкую боль, и с трудом медленно открыл глаза. И в тот же момент получил очередной удар сапогом в грудь. Запах крови смешался с запахом нового дня, а значит с новой порцией унижений, и глухой неизвестностью впереди. Парень поднял взгляд, перед ним стоял воин армии моджахедов. Молодой афганец, лет за 25-ть в типично афганской одежде, в серо-голубой рубашке и штанах-шароварах такого же цвета. Сверху надет темно-серый пиджак из шерстяной ткани, на голове грязно-белого цвета чалма, на шее чёрный шарф, на груди подсумок для магазинов, так называемый "лифчик".

Обычно советские солдаты, предпочтя смерть плену и издевательствам, под рывали себя гранатами. Возможно, и Артем поступил бы точно также, но его вертолет был сбит, и парень чудом остался жив после падения. Что было после крушения, и как попал в плен, не помнил, несколько суток оставался без сознания. Первый год плена был самый тяжелый. Теперь вся жизнь Артема состояла из постоянных издевательствам, из боли, страха, дневной жары, ночного холода, грязи, вони, вшей, голода. Осенние ночи в Афганистане холодные, пронзительные ветры – ледяные, но стоит затих-

нуть ветру и выйти солнцу, как начинает припекать по-летнему. Каждый вечер, у парня где-то в самом дальнем уголке сердца просыпалась надежда на спасение. А каждое утро начиналось с осознания того, что следующий вечер может и не наступить.

Артем стал походить на зверя в клетке. Со стороны можно было подумать, что он сломался, смирился, что в нем убили все живое. Но, на самом деле, он затаился, копил силы, терпел все ради крохотной возможности на решающий прыжок. Он верил что, рано или поздно жизнь даст ему этот шанс на спасение, даже если придется ждать вечность.

Из ямы выпускали один-два раза в день, справить нужду. Кормили только соленой пищей, воды если и давали, то только глоток за сутки. Каждый мимо проходящий, каждый желающий мог согнать свою злость на нем, ведь он неверный, а значит хуже собаки. В результате пыток многие кости рук и ног были раздроблены. Раны ныли, заживали медленно, а кости срастались не ровно.

Обречённых на смерть советских военнопленных афганские душманы редко когда убивали сразу. Везло толь ко тем единицам, кого афганцы хотели обменять на своих или подарить в качестве «жеста доброй воли» западным правозащитным организациям, чтобы те, в свою очередь, на весь мир прославляли «великодушных моджахедов». Большинство же обрекали на смерть... Обычно гибели пленного предшествовали страшные пытки и истязания, от одного

описания которых становится не по себе.

Вот и Артем поначалу, решил, что его держат в цепях дальнейшего обмена, потом же появились сомнения, затем непонимание: зачем все это, ради чего, почему не убивают, для чего держат? На пятом году плена попросту перестал думать об этом. Время от времени его продолжали отводить к мулле, который усердно, но безуспешно, пытался склонить к переходу в исламскую веру. Артему шел 31 год.

***

На улице был теплый май 97-го. На вокзале приграничного украинского городка в воскресенье как всегда шумно, толпы студентов спешат на учебу в столицу. Молодежь на перроне увлеченно щебечет, смеются, дурачатся, рядом стоящие старики на них шикают, пытаются хоть ненадолго угомонить ребят. В последний вагон, немного торопясь, но тихо и с особой осторожностью зашли двое. Молодой коренастый парень и прихрамывающий сутулый мужчина неопределенного возраста. Сказав что-то проводнику, сели в первое купе. Вели себя тихо, и только изредка в беседе звучали тревожные и звонкие ноты напряженной беседы. На протяжении всего пути никого больше к ним не подсаживали.

– Подожди! Но ведь в феврале 89-го советские войска были полностью выведены из Афганистана.... – не сдержав эмоций, звонким голосом возразил Роман, тот самый молодой коренастый попутчик.

– Конечно, полностью, – на лице Артема промелькнула,

еле заметная улыбка полная горечи и печали. – Вот только ты мне ответь: что случилось с теми, кого так и не признали ни пропавшими, ни погибшими, с теми которые просто исчезли и из жизни, и из списков?

– Это как?

– Да, просто... Моя «вертушка» была сбита в сентябре 86-го в районе Джелалабада. Но об этом, пожалуй, знают только моджахеды, я, а теперь еще и ты. – В голосе чувствовался сарказм.– Впрочем, знают и другие, но только признавать этого не хотят. Пойди, загляни в советский архив, там записано, что были сбиты два вертолета. Но, я то знаю, что был и третий. Я был! Понимаешь? Я был, я есть! Я тот самый третий, потерю которого так и не признали. А и действительно зачем?! Если признать, то придется искать. А где искать?! Вот и получается, что так всем проще. Нет человека – нет и проблемы.

После недолгой паузы Артем продолжил свой рассказ.

– Знаешь, о собенно люто горцы ненавидели нас – русских лётчиков. Захваченных живыми оставляли на солнце, сделав небольшой разрез на животе, так что внутренности распухали, вываливались наружу и поджаривались до тех пор, пока облегчение не приносила смерть. Так что, те кто были убиты сразу, могли считать себя счастличиками. Хуже всего, когда у тебя на глазах, отрезают голову твоему другу и засовывают ее ему же в распоротый живот. Некоторые наши ребята от увиденного попросту сходили с ума.

От подобных повествований в купе стало невыносимо душно, тяжело дышать, жарко как в пустыне.

– Мало кто тебе расскажет обо всем увиденном и пережитом в Афганистане, да оно и понятно... Эт я вот сегодня выпил и развязал свой язык. Вообще-то, все мы кому удалось выйти оттуда, ненормальные! Психика, знаешь ли, браток! И у самых крепких сдавали нервы...

Артем встал, чтоб открыть окно и вдруг поезд резко притормозил. Ром как успел его подхватить под локоть и тем самым удержать от падения. Но, вместо благодарности получил в ответ несколько грубых выражений и злой взгляд серых, уже давно потухших глаз.

– Никогда больше так не делай! – с ненавистью прошипел Артем.

Парень не на шутку испугался такой реакции попутчика. «Возможно, я слишком сильно сжал его руку и сделал больно. Вон тело у него какое! Как изувечены все его кости.» – подумал Рома, а чуть позже спросил :

– А в чем дело, то?

– Никогда не бери под локоть. Там так брали ребят, которых уводили на казнь...

Наступила тишина. Говорить после такого не хотелось. Следующие часа полтора сидели тихо, молча смотря в окно на проплывающие мимо поля Украины. Молодой парень продолжал сопоставлять рассказанное Артемом, с тем, что слышал ранее по телевизору, читал в газетах. Артем же ду-

мал только об одном, что ему скажет жена, когда увидит его на пороге дома и переживет ли все это его старенькая мама. Он с легкостью представил родную калитку, двор, скамейку под окном, наверное, так ее до сих пор никто и не починил. Вспомнил, как мама изо дня в день просила его об этом, а он каждый раз отвечал: «Хорошо мам, давай завтра!». И вдруг Артем резко вскочил на ноги, невыносимая боль сжала его сердце, в легких горел огонь, захотелось на свежий воздух. Он встал и молча вышел из купе. Через минут десять Роман вышел следом.

Уже в тамбуре Ромка все-таки спросил, что же такого вдруг случилось. Артем продолжал стоять молча. Чувствовалось, мысленно он сейчас где-то очень далеко отсюда. Потом взглянул в глаза этого совсем еще юного мальчишки и тихо ответил:

– Я не знаю почему и зачем меня отпустили, не знаю как. Приехали, забрали, отвезли... Всё молча, никаких объяснений. Молча через Россию переправили в этот городок, в Украину. Молча кинули вчера в какой-то студенческой общаге. Потом принесли билет, и вот я еду домой. А я здесь был в последний раз еще при Советском Союзе, при той власти, при тех законах. А сегодня где я?! В какой стране, в чьей? Я даже воды не смог себе купить, деньги новые, незнакомые мне. Все новое, неизвестное, непонятное мне. Еще неделю назад я в яме сидел, а тут уже и дом рядом. Студенты водкой угостили – выпил... Понимаешь, я был в аду, жил в

нем, очерствел . Я не способен более ни на что кроме злости, нет ни сочувствия, ни жалости. И вдруг сейчас понял что боюсь... боюсь узнать, что мамы уже нет. Каково ей было тогда получить похоронку на меня?! Или что там приносят в таких случаях? И жена... Я вот сидел и представлял, как она меня встретит, что скажет. А потом подумал – кто ж будет сидеть и ждать покойника с того света! Как я сейчас появлюсь дома, если меня похоронили еще одиннадцать лет назад!?

За разговорами прошла вся ночь. Рано на рассвете поезд остановился на маленьком полустанке, в родной деревушке Артема. Тридцатилетний парень с телом дряхлого старика и измученной, истерзанной душой, прихрамывая, осторожно сошел на перрон. Поезд тронулся, Роман остался сидеть возле окна и смотрел вслед, уходящему вглубь села, советскому офицеру. Артем шел не спеша, не оглядываясь, специально замедляя ход . Тяжесть предстоящей встречи с родным домом , с каждым новым шагом, навалилась невыносимым грузом на его плечи, все сильнее и сильнее сковывала его сердце.